

опять и опять повторяет все ее черты - то алой на закате, то омраченной под дымной завесой, - но все ее, Единственной, "Земли Незнаемой".

Но холод гонит нас из мастерской в соседнюю комнату - столовую, где потрескивает печурка. Там, за обеденным столом, бездомный крымский помещик²⁵⁸, которого Волошин приютил. Перед ним годовой комплект "Temps" пятилетней, а то и большей давности. Вытянув подагрические ноги на другой стул, он, когда-то частый гость парижских бульваров, услаждается новостями оттуда, даже забывает брюзжать на "проклятых товарищей".

- Ого, Максимилиан Александрович, послушайте-ка, что они в Одеоне ставят...

Смеющимися глазами Волошин поглядывает на меня. Мы устраиваемся на другом конце того же стола - тетради, книги перед нами. Он читает свои последние стихи, обсуждаем их. Читает новых поэтов, толкует мне их.

Потом у керосинки разогреваем обед. Мария Степановна, жена его суровая и заботливая подруга последних лет, - уехав по делам, наварила на два дня. Темнеет. С лампой в руках, укутавшись шалью, бродим вдоль книжных полок в его мастерской. Волошин выискивает мне интересные новинки. Мелькают книги нашей молодости... И за полночь засиживаемся, говоря уже не о книгах, о людях, близких и далеких, о судьбах, о смертях. Свои вправду мудрые и простые слова он по-старому выражает нарочито парадоксально. Что это? Прихоть? Декадентский навик? Стыдливость души, стыдящейся быть большой?

И вот последняя страничка о Волошине.

В ноябре 28-го года мы всей семьей уезжали из Судака, навсегда покинули его. Нам вслед конверт из Коктебеля с акварелями: "Посылаю всем экспатрированным²⁵⁹ по акварельке для помощи в минуты сурожской ностальгии". Сурож, Сугдея, Сольдаи - так в разные века и разные народы называли Судака.

Привожу выдержки [из] нескольких писем Волошина, рисующих быт его предпоследней²⁶⁰ зимы.

"Поздравляю всех киммерийских изгнанников с Н[овым] Г[одом] и желаю всем всего лучшего. Ушедший год был тяжелым годом - в декабре из близких умерла еще Лиля (Черубина Габриак) и писательница Хин²⁶¹. А едва ликвидировалось дело с конфискацией дачи²⁶², как начался ряд шантажных дел против наших собак. Юлахлы, этот вегетарианец,

²⁵⁸ 201 Иосиф Викторович Зелинский (ок. 1857-1928) - народоволец, политкаторжанин, журналист. См. о нем в воспоминаниях Т. Шмелевой.

²⁵⁹ 202 В начале 1928 года в Крыму развернулась кампания по "усилению бдительности" и всяческих гонений на интеллигенцию (подхлестнутая летом "шахтинским делом" в Москве). Следствием этого и был вынужденный переезд из Судака под Кисловодск Е. К. Герцык с семьей (об отъезде из Крыма она сообщила в письме Волошину от 15 октября 1928 г.). В декабре вынужден был покинуть Симферополь, где он преподавал в университете, поэт Г. А. Шенгели.

²⁶⁰ Е. К. Герцык, очевидно, пишет так потому, что в следующую зиму жизненная и творческая активность Волошина была ограничена поразившим его в декабре 1929 года инсультом.

²⁶¹ 203 Хин Раиса Мироновна (в замужестве Гольдовская, 1863-1928) писательница. Волошин посвятил ей стихотворение "Я мысленно вхожу в Ваш кабинет..." (1913).

²⁶² 204 10 октября 1928 года Комитет бедноты Коктебеля постановил реквизировать дачи Волошина, Манасеиных, Дейши-Сионицкой, Павловых, Яновских - и выселить их из Коктебеля как "нетрудовой элемент". В письме в Крымнаркомпрос Волошин объяснял, что бесплатность его дома вызывает вражду к нему местных властей и Курорттреста, видящих в нем конкурента. Поэт обратился за помощью в Москву - к А. С. Енукидзе и А. В. Луначарскому (друзья оповестили о случившемся также А. М. Горького, Ф. Ф. Раскольникова, Н. А. Семашко). В результате - Волошин 18 ноября 1928 года сообщал в письме К. М. Зелинской, что "дело о выселении ликвидировано".

философ и непротивленец, обвиняется в том, что он раздирает овец в стадах десятками. По одному делу мы уже приговорены к 100 р., а ожидается еще несколько. Идет наглое вымогательство. Все это совершенно нарушает тишину нашего зимнего уединения и не дает работать. Нервы - особенно Марии Степановны - в ужасном состоянии. Писанье стихов уже несколько раз срывалось. О мемуарах нечего и думать. А я об них думаю много и чувствую всю неизбежность этой работы, которая требует меня. Дневник Блока я тоже читал с волнением. Но он совсем не удовлетворил меня. Мы много говорили о нем летом с Сергеем Соловьевым²⁶³. В Блоке была страшная пустота. Может, она и породила это гулкое лирическое эхо его стихов. Он проводил часы, вырезывая и наклеивая картинки из "Нивы"!!"

17/II-29. "...Простите, что не сразу отвечаю. Но хотел исполнить просимое Вами, и исполнил. Но это вышла не страница мемуаров, а стихотворение, посвященное памяти Аделаиды Казимировны, которое и посылаю Вам. Кроме того, посылаю Вам законченную на этих днях поэму "Инок Епифаний" - это pendant²⁶⁴ к Аввакуму. Его судьба меня давно волновала и трогала. Кажется, удалось передать это трогательное в его вере. Хочется ваше подробное мнение о стихах... У нас в Коктебеле жизнь обстоит так: харьковские друзья, обеспокоенные душевным состоянием Марии Степановны, прислали к нам нашего друга Домрачеву (всеобщую тетю Сашу)²⁶⁵, и та, собрав и упаковав Марусю, отправила ее в Харьков, а сама осталась "смотреть за мной". Маруся уехала с последним автобусом, а вслед за этим нас занесло снегами и заморозило морозами. Еще неожиданно свалился художник Манганари и наш летний приятель юноша Кот Поливанов²⁶⁶. И вот мы все сидим как остатки какой-то полярной экспедиции. Что мне не мешает целый день работать над стихами. Результаты работы я вам и посылаю".

Вот стихотворение, посвященное Аделаиде Герцук. Оно не меньше, чем о ней, говорит об авторе его, о том, что было ему в ней близко и отзывно.

Лгать не могла, но правды никогда
Из уст ее не приходилось слышать:
Захватанной, публичной, тусклой правды,
Которой одурманен человек.
В ее речах суровая основа
Житейской поскони преображалась
В священную мерцающую ткань
Покров Изиды. Под ее ногами
Цвели, как луг, побегами мистерий
Паркеты зал и камни мостовых.
Действительность бесследно истлевала
Под пальцами рассеянной руки.
Ей грамота а с вещим напряженьем,
Как заговор от сглазу в деревнях.
Слепая к дням мешала с детства в книге
И обедняла щедрый смысл письмен.

²⁶³ 205 Сергей Михайлович Соловьев (1885-1942) - поэт, переводчик. Внук историка С. М. Соловьева, племянник поэта и философа Вл. С. Соловьева.

²⁶⁴ Здесь: созвучное, из того же ряда (франц.).

²⁶⁵ 206 Александра Лаврентьевна Домрачева (1880-1967) оказывала постоянную житейскую поддержку М. А. и М. С. Волошиным (см. об этом также в воспоминаниях Т. В. Шмелевой, с. 476-477).

²⁶⁶ Поливанов Константин Михайлович (1904-1983) - математик.

А физики напрасные законы
Лишали чуда таинство Игры.
Своих стихов прерывистые строки,
Свистящие, как шелест древних трав,
Она шептал, физически глухая,
Юродивая, старица, дитя,
Смиренно шла сквозь все обряды жизни:
Хозяйство, брак, детей и нищету.
События житейских повечерий
(Черед родин, болезней и смертей)
В ее душе отображались снами
Сигналами иного бытия.
Когда ж вся жизнь ощерилась годами
Расстрелов, голода, усобиц и вражды,
Она, с доверьем подавая руку,
Пошла за ней на рынок и в тюрьму.
И, нищенствуя долу, литургию
На небе слышала и поняла,
Что хлеб воистину есть плоть Христова,
Что кровь и скорбь - воистину Вино.
И смерть пришла, и смерти не узнала:
Вдруг растворилась в сумраке долин,
В молчании полынных плоскогорий,
В седых камнях Сугдейской старины.

В следующем письме Волошин отвечал на некоторые мои критические замечания.

Май.

"...у нас наконец наступила весна, и тепло, и еще никого нет из гостей. Блаженные дни отдыха и растворения. Все зимние истории - морально позабылись, материально - ликвидированы. Штрафы уплачены. Сердце снова готово принять людей, которых пошлет судьба, со всеми их горестями, слепотой, неумением жить, неумением общаться друг с другом, со всем, что так мучит нас летом.

Спасибо за все слова, что вы говорите о моих стихах памяти Аделаиды Казимировны. Но относительно двух замечаний позвольте с вами не согласиться. Первые строки о "правде" необходимы. Это первое, что обычно поражало в Аделаиде Казимировне. Хотя бы в том, как она передавала другим ею слышанное. Она столько по-иному видела и слышала, что это было первое впечатление от ее необычного существа. Но для Вас его, конечно, не было. "Паркеты зал" необходимы художественно как контраст с последними строфами. И, в конце концов, фактически (сколько я помню ваши московские квартиры разных эпох) не так уж неверно. Эта антитеза обстановки нужна.

Посылаю вам еще стихи, написанные позже: "Владимирская Богоматерь" стихи мне кажутся значительными в цикле моих стихов о России. Мне очень ценно ваше мнение о них. Очень хотел бы, чтобы вы переслали их В. С.²⁶⁷ туда. Последнее время у меня частая тоска по общению со всеми отсутствующими и далекими. Я себе все эти годы не позволяю думать, но иногда это прорывается.

Кончаю это краткое письмецо. На сегодня ждет еще много обязательной корреспонденции, которая иногда меня изводит.

Приветы, пожелания и акварельки всем".

В 1930 году мы потеряли близкого человека. Максимилиан Александрович прислал

²⁶⁷ Вера Степановна Гриневич.

нам большую акварель - все та же земля Киммерийская в тонах серебристо-сизых с облаком, повисшим над горой. Он написал: "Только что узнал о смерти Е. А.²⁶⁸ Радуюсь за нее. И глубоко сочувствую вам. Примите это видение на память о ней"

Смерть не страшила его, быть может, в иные дни в глубине влекла, как того, чей дух полон, мысль додумана. В августе 32-го года он умер. В своей предсмертной болезни, как мне писали потом, был трогательно терпелив и просветлен.

Вацлав Рогович ПРИРУЧЕННЫЙ КЕНТАВР И ДЕВУШКА

Высокая, просторная мастерская в павлиньих разводах; две или три широкие, почти квадратные софы с темными коврами, с красочными и мягкими подушками; масса желтых переплетенных книжек на простых полках на стенах; огромный стол-бюро и печь, почти посередине, с неэстетичной, но доминирующей здесь трубой, дерзко возвышающейся, как шея какого-нибудь сказочного жирафа, под самый потолок. Здесь, в этой артистической комнате, на самом юге Парижа, даже за Монпарнасом, в Монруже, собирались по вторникам разноязыкие служители и почитатели Красоты и - хозяина, Максимилиана Волошина, жившего в этой мастерской.

Молодой русский поэт, полный, спокойный и добрый богатырь, легко крутился, при своей тучности, следя за тем, чтобы поляк не чувствовал себя чужим среди русских, чтобы француз не попал на поляка, разговаривающего по типу "пятилетнего пребывания в Париже", как испанская корова (и такое случалось), чтобы болтливая мисс Алиса не столкнулась с русским, вновь прибывшим революционером, выдавливающим два слова в час из-под хмурой гривы. Макс везде был, все видел, представлял, организовывал, угощал чаем или грогом, - наконец, успокоившись, что каждому хорошо, отводил в сторону нескольких близких знакомых и усаживал пробовать особый напиток: красное вино, смешанное с... миррой. "Попробуйте, Вацлав Якубович. Меня научил этой комбинации ваш тезка, Вячеслав Иванов, в Москве. Знаете его стихи?" И добросовестный Макс был уже в своей стихии: зачитывал отрывки из стихотворения Иванова, где говорилось о пламенно горящей мирре, обещал прочитать свой гностический гимн Божьей матери, посвященный Иванову,- а тем временем с горячим нетерпением ждал, чтобы вокруг немного успокоилось и кто-нибудь попросил его прочесть "последние" стихи. Зная эту невинную слабость поэта, мы делали ему такое предложение. Читал он красиво, часто порывисто, особенно если присутствовал Бальмонт, Брюсов или иностранные поэты, знающие русский язык. За "последним" стихотворением следовало "предпоследнее" и так далее. Для дам был сильный, трагический сонет "Голова мадам де Ламбаль", звонкое воспоминание об Испании - "Кастаньеты" - или изысканная "Диана де Пуатье", прекрасная мечта о сверкающих мраморах Гужона и ренессансных чарах Фонтенбло.

Помню, Волошин с великим и понятным удовольствием передавал настроение осеннего пейзажа в верленовском стиле, в коротких, гибких, парящих строфах, или в одном из самых лучших своих лирических отрывков из цикла "Париж" "Дождь", где так отлично воссоздается ритм монотонно стучащего дождя, что это ощущали даже те, кто едва понимал по-русски. "В дождь Париж расцветает, точно серая роза", - начинается это стихотворение... Глаза загорались, темно-русые волосы в волнистых кудрях тяжело колыхались на огромной голове прирученного кентавра, а каштановая широкая борода скрывала волнение мускулов лица.

Из темного угла на темном постаменте белая колоссальная голова из гипса смотрела на поэта с загадочной улыбкой прикрытых век - его мистическая возлюбленная, египетская

²⁶⁸ 207 Е. А. - Евгения Александровна Герцык (урожд. Вокач, ок. 1899-1930) мачеха сестер Герцык, вторая жена их отца.

царица Таиах, та прекрасная дама, что ввела в крае сфинксов культ Крылатого Солнца. Поэт имел перед собой только ее голову, мудрую и таинственную, ее уста, обращенные к Вечности, а жаждал видеть весь ее сверхчеловеческий, неизвестный образ - и особенно движение ее поднятых рук с обращенными к зрителю ладонями: священный, молитвенный жест Египта.

Эту голову поэта, загипнотизированную властным обаянием царицы Таиах, скульптор Виттиг поставил на мощную каменную стелу в виде гермы и назвал ее "Поэт". Он дал правдивый портрет Волошина: гораздо больше, чем обычное "сходство", - выявил в песчанике пластический синтез души, души в наилучший, а следовательно, в наиправдивейший ее момент, ибо и в скульптуре, как и в жизни, судить о душе нужно по наилучшим ее моментам...

Виттиг интуитивно почувствовал то, что здесь возведено в принцип, - и создал прекрасное произведение. Мощная, смелая стилизация этого портрета удалась ему в совершенстве. Он создал какую-то не современную древнегреческую, геродотовскую голову, голову человека золотого века, тех доисторических времен, когда "королевы ходили по воду, а королевы знали число своих баранов". А тот, кто знал модель - этого прирученного кентавра с голубиной душой, в котором есть что-то и от послушника греческого монастыря на горе Афон, и от старославянского князя; русского, страстно влюбленного во фламандских мистиков, который написал цикл "Руанский собор", полный лиловых красок католической символики; этого жителя древней Киммерии, пустынного приазовского Крыма, открывающего на русском языке таких изысканных поэтов, как Верхарн, Эредиа или Анри де Ренье, - кто знал его хорошо, тот поверит Виттигу: он попал в точку, так сделав портрет такого поэта...

Алексей Толстой ИЗ СТАТЬИ "О ВОЛОШИНЕ"

Вошел человек в цилиндре, бородатый, из-под широких отворотов пальто в талию выглядывал бархатный жилет²⁶⁹.

Нечеловеческие икры покоятся на маленьких ступнях, обутих в скороходы.

Сел человек против меня и улыбнулся. Лицо его выразило три стихии.

Бесконечную готовность ответить на все вопросы моментально.

Любопытство, убелившее глаза под стеклами пенсне.

И отсутствие грани, разделяющей двух незнакомых людей, - будто о чем-то уже спросил его.

Сколь личин ни надевает человек, сколь в качествах своих ни уверяет, верю только первому мгновенному [и точному], прояснившему лицо выражению души его, застигнутой врасплох.

Человек этот поэт.

Три стихии превращаются в его поэзии: готовность в вежливость, любопытство в знание и отсутствие грани в то глубокое и проникновенное, что новым и вносит он в русскую поэзию.

Русская поэзия - яркая и алая заря, грубая и сочная - заря севера, пьяной кровью изумрудную высь над стынувшим морем затопившая.

Гибкий образный несформировавшийся язык, мифология и творчество народа, как еще не разрушенная гробница, и время кровавых оргийных действий - вот атмосфера русского поэта, захлебнешься, опьянеешь от избытка невыявленного, жгучего.

²⁶⁹ 208 Если в воспоминаниях современников встреча А. Толстого и Волошина в Париже рисуется преимущественно в бытовом плане, вспоминаются анекдотические подробности (см. в этой связи воспоминания С. И. Дымшиц-Толстой), то А. Толстой стремится объемнее представить внешний облик Волошина в сочетании с его духовной сущностью.